

Неофилология

ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 882

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511

Проблемы исторической памяти и её сохранения, ответственности, всепрощения. От романа «Тишина» к повести «Родственники» Ю.В. Бондарева

Лили ЦЗИНЬ^{1,2}

¹Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков

300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ Jinlili8361450@126.com

Аннотация. На материале двух произведений раннего Ю.В. Бондарева, романа «Тишина» и повести «Родственники», исследованы проблемы духовно-нравственного смысла, которые были основополагающими для писателя-фронтовика на протяжении всего сложного, многолетнего творческого пути. Прослежено начало их художественно-философской разработки в синтезе «мир–война» в названных произведениях 1960-х гг. на основе развития некоторых характеров, как главных, так и второстепенных, конкретных ситуаций, коллизий. Отмечены основные художественно-философские аспекты: синтез прошлого, настоящего, будущего, святость памяти, мирная «тишина» и психологический экстрим. Проанализированы поэтические приёмы, разработанные автором, помогающие решить поставленные задачи: сон–явь, полифоничные монологи, «диалог в монологе» и пр.

Ключевые слова: война, мир, память, прощение, ответственность, тишина, психологические коллизии, сон, явь

Для цитирования: Цзинь Лили. Проблемы исторической памяти и её сохранения, ответственности, всепрощения. От романа «Тишина» к повести «Родственники» Ю.В. Бондарева // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 503-511. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Problems of historical memory and its preservation, responsibility, forgiveness. From the novel “Silence” to the story “Relatives” by Y.V. Bondarev

Lili JIN^{1,2}

¹Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China

²Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ Jinlili8361450@126.com

Abstract. Based on two relatively early works by Y.V. Bondarev, the novel “Silence” and the story “Relatives”, investigated the problems of spiritual and moral meaning, which were fundamental for the front-line writer throughout his difficult, long-term creative path. We trace the beginning of their artistic and philosophical development in the synthesis of “peace–war” in the named works of 1960s based on the development of some characters, both major and minor, specific situations, collisions. We note the main artistic and philosophical aspects: synthesis of the past, present, future, sacredness of memory, peaceful “silence” and psychological extreme. We analyze poetic techniques developed by the author that help to solve the assigned tasks: dream–reality, polyphonic monologues, “dialogue in a monologue”, etc.

Keywords: war, peace, memory, forgiveness, responsibility, silence, psychological collisions, dream, reality

For citation: Jin Lili. Problemy istoricheskoy pamyati i ee sokhraneniya, otvetstvennosti, vseproshcheniya. Ot romana «Tishina» k povesti «Rodstvenniki» Y.V. Bondareva [Problems of historical memory and its preservation, responsibility, forgiveness. From the novel “Silence” to the story “Relatives” by Y.V. Bondarev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 503–511. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вопросы исторической памяти и её сохранения всегда были актуальны для Ю.В. Бондарева – человека, гражданина, писателя. По мере развития его творческого опыта исследователи предвидели, что соотношение «мир–война» рано или поздно случится в его творческой лаборатории. Так, уже в 1959 г., тогда ещё совсем молодой писатель подчеркнул особо: «Когда мы пишем о войне, то должны иметь в виду, что наша мысль всегда устремлена в <...> современность. <...>. Беда некоторых романов о войне в том, что подчас исторические и неповторимые сороковые годы не освещены мыслью, протянутой из современного состояния мира. Назрела определённая социально-психологическая и эстетическая потребность в «постижении своих лет», в осмыслении исторического пути поколения и всего общест-

ва, в выходе к более глубокому осмыслению проблем, нравственных и философских, современного бытия человечества» (цит. по: [1, с. 105]).

Понятно, что такую задачу Бондарев-словесник ставил, прежде всего, перед собой. Начиная с романа «Тишина» (1962–1964), мысль о «сопребытии» времён, ответственности последующих поколений перед своими предками, перед священной памятью павших прочно войдёт в его творческий мир, станет неотъемлемой и обязательной его частью.

Роман «Тишина» – первое крупное произведение Ю.В. Бондарева, где очевидна философская смычка «мир–война», первая попытка его, как писателя, соединить в своих художественно-философских размышлениях «правду мира» и «правду войны», психоло-

гический экстрим и спокойное, мирное, «тихое» время. В этом произведении, как и в чуть более поздней повести «Родственники» (1969), писатель начинает развивать и словно бы цементирует основополагающую для себя, как автора, мысль, которая станет важнейшим смысловым стержнем для дальнейших произведений: будущее невозможно построить на забвении прошлого, тем более, забвении такой страшной и одновременно священной войны. «Настоящее не может быть оторвано от прошлого, иначе теряются нравственные связи. В настоящем всегда есть прошлое. Наше настоящее – это сумма социальных явлений, счёт которых начался не сегодня. Осмыслить настоящее невозможно без уходящих в историю пунктиров, так же как невозможно познать характер человека без его прошлого, вернее, без суммы поступков» [2, т. 6, с. 108]. Эти мысли, высказанные Ю.В. Бондаревым в статье «Время – жизнь – писатель», как нельзя лучше иллюстрируют нравственно-философский стержень «Тишины» и «Родственников».

Некоторые исследователи полагают, что главная мысль этих произведений – развенчание культа личности. Однако мы уверены, что бондаревские проблемы глубже. У него далеко не всё так просто и прямолинейно, а, напротив, – усложненно-полифонично; он, как писатель, никогда не старался решить те или иные поставленные перед собой задачи только лишь в узкосоциальном аспекте. Мы прочитываем эти два произведения, прежде всего, в духовно-нравственном ключе, то есть в том ракурсе, в каком они интересовали самого писателя. А путь осмысления поставленных задач для автора таков. Структурно в «Тишине» он их старается решить, группируя конкретные характеры между собой. На одном «полюсе» – два друга – Сергей Вохминцев и Константин Корабельников. На противоположном – сосед по квартире Быков и капитан Уваров.

Непросто выстраиваются отношения Сергея со своим отцом, бывшим фронтовиком, в каком-то смысле, по крайней мере, по убеждению сына, предавшим мать и имевшим связь на фронте с медсестрой. Герои в романе проходят своеобразное испытание войной и памятью, обидой. Есть некоторые противоречия и в отношениях между двумя

друзьями – Сергеем и Константином. Константин поначалу относится ко всему гораздо проще Сергея; он успевает быстро приспособиться к мрачным перипетиям послевоенного московского быта. Писателя волнуют истоки человеческой подлости, предательства, духовной мерзости.

Возможно, впервые именно в этом романе наиболее выпукло, принципиально актуализируется святость памяти героя, а также самого автора о погибших друзьях. И кажется, как и всегда у него, и в раннем творчестве, и в более позднем, проходящие эпизоды имеют статус очень важных по смысловому наполнению. У Сергея погиб лучший школьный друг Виктор Мукомолов. Из довоенных друзей в родном дворе осталось только двое: он и Костя Корабельников. С этого романа ностальгическая грусть об ушедших друзьях станет устойчивым лейтмотивом и повторится затем спирально-вариативно в романах «Берег» и «Выбор». Примечательно, что лейтмотив памяти воспроизводится и через описание того места, которое называется «малой родиной»: для бондаревских героев, как и для самого автора – это московский дворик с окрестными улицами и улочками, другой пространственной атрибутикой: «Да, вот он дома: зима, снег, фонари, тихие замоскворецкие переулки, свободные утра, горячая голландка, улица Горького, довоенный телеграф, метро–ночное; заваленные снегом подъезды» [2, т. 3, с. 41]. В это святое, родное, однако, вторгаются сложные, мучительные размышления о том, что не так всё просто в этой «мирной тишине», о которой он трогательно мечтал: «Он всё время ждал прежней мальчишеской лёгкости, тёплых июльских дней, всплеска вёсел и фонариков на Москва-реке в сумерках, спорящего голоса Витьки Мукомолова <...> И была Надя в летнем платье, с загорелыми коленками. Это было. Витька Мукомолов пропал без вести. И Нади нет. Погибли почти все, кого он знал в девятом и десятом классах. Жизнь сделала крутой поворот, как машина, на этом крутом повороте многие, почти все, вылетели из машины...» [2, т. 3, с. 41].

Семантически контрастно дан в романе образ мрачного, послевоенного московского Тишинского рынка – «толкучки». «В узких закоулках огромного рынка с бойкостью уг-

рей скользили, шныряли люди, выделявшиеся нервными лицами, быстрым мутно-хмельным взглядом, блестели кольцами на грязных пальцах, хрипло бормотали, секретно предлагая тайный товар; при виде милиции стремительно исчезали, рассасывались в толпе и вновь появлялись в пахнущих мочой подворотнях, озираясь по сторонам, шёпотом зазывая покупателей в глубину привычных дворов» [2, т. 3, с. 18]. Вохминцев, как и автор, видят смешавшуюся людскую массу спекулянтов, кустарей, недавно демобилизованных солдат «с пригородными колхозниками, московскими ворами, командированными, людьми, покупающими кусок хлеба...» [2, т. 3, с. 18].

На наш взгляд, контуры проблемы духовно-нравственного соотношения прошлого, настоящего, будущего найдены и поставлены автором блестяще: будущего вовсе может не быть, если забыть и не принимать во внимание бывшую человеческую подлость. Но вот как вести себя в этой непонятной и непривычной мирной тишине, где уже нет такого резкого, экстремального военного контраста: или – или?

Капитан Уваров, почти в самом начале появившийся на страницах романа, во время войны подло бросивший своих солдат, предавший их, теперь случайно встретился с Сергеем и предложил ему всё забыть. Мерзость Уварова, командира батареи, мгновенно всплывает в памяти Сергея. Осенью 1944 г. попавшая в окружение вблизи деревни Жуковцы в Карпатах почти вся батарея погибла. Несчастье произошло из-за неграмотности Уварова, который свою очевидную вину переложил на другого человека – тяжелораненого командира взвода Василенко, попавшего позже, опять-таки по вине Уварова, в штрафной батальон. Всё это забыть невозможно, и для Сергея это очевидно и принципиально. Сложность вопроса заключается в том, можно ли забыть и простить предательство и подлость такой степени? Для Сергея ответ отрицательный однозначен. Уваров, напротив, предлагает Сергею *забыть всё, что было именно на войне*: «Ну, чудак ты, ей-богу! Если была какая неразбериха – на то война. Не косись, брат, на меня; я не хуже и не лучше других. Ты считаешь меня своим врагом – я тебя – нет. Просто думаю: ты хо-

роший парень. Только мнительный. Выпьем, Вохминцев, за примирение, за то, чтобы... ко всем матерям это!.. Война кончилась – бог с ним, с прошлым. Предлагаю выпить за новую дружбу и всё забыть!» [2, т. 3, с. 35]. Для Сергея забыть прошлое – значит предать святую память о погибших и самого себя.

Заметим, что в предложении Уварова Вохминцеву забыть всё, что было, а значит, забыть и саму войну, просьбы о прощении не было, и в этом принципиальная разница, психологически тонко подмеченная автором. То есть предложение Уварова – это не шаг к примирению, а стремление подло скрыть своё преступление. Здесь очевидна уже в сравнительно раннем творчестве писателя важная, существенная дифференциация подлости и нравственности, высокого и низменного поступков, нередко весьма уловимых граней различия. И, собственно, практически сразу Уваров выдаёт себя, обнаруживая всю свою низменность: «Если ты... если ты встанешь... поперёк моей дороги... Я тебя сотру! Понял? Ты меня знаешь!..» [2, т. 3, с. 36]. Вохминцев ответил Уварову в военном стиле: у всех на глазах, в ресторане, Сергей наотмашь изо всех сил ударил его. Если Сергей совершил «суд» над Уваровым по-военному, открыто, то последний, спустя некоторое время, ответит ему подло, исподтишка, как и обещал. Он и, в самом деле, совершил мерзостный поступок по отношению к Вохминцеву, забыв всё, что было на войне, сохранив в себе только злобу и мстительность.

Сергей переживает сложнейший внутренний психологический конфликт, постоянно находясь как бы в незримой борьбе с самим собой: специфика мирного времени берёт своё, и грань между добром и злом опасно стирается. Низменное лицемерие Уварова напомнит о себе во время произнесения им тоста на новогоднем празднике о погибших солдатах. Сергей не выдержал и покинул праздничное застолье. Вся содержательная канва романа, так или иначе, балансирует на дилемме: «помнить – забыть прошлое». Сергей всё отчетливее видит кругом, что желание многих поскорее забыть страшное прошлое проявляется всё более очевидно: он «замечал, что люди уже неохотно оглядываются назад, пытаются жить только в настоящем... Никто не хочет копаться в прошлом...

Есть настоящее, есть жизнь, есть будущее, а прошлое в памяти людской стиралось...» [2, т. 3, с. 105]. И если Константин, сначала, было, идущий на «перемирие» со спекулянтом и подлецом Быковым, в конце концов, произносит очень важное: «Хватит лежать в окопах, в тебя стреляют, в Сережу, в Асю... и не холостыми патронами, а быют наповал, в голову целят!» [2, т. 3, с. 214]. Обращает на себя внимание употребление военной лексики, касающейся вполне «мирной» ситуации.

Композиционно и стилистически «Тишина» выстраивается на сложных, излюбленных писателем, сплетениях сна и яви, символически переплетающих картины военной и мирной обстановки, внутренних монологов – размышлений, напоминающих диалоги, когда герой словно бы разговаривает с самим собой, со своим вторым «я». Эти сплетения и монологи касались основополагающих тем, составлявших сущность конфликта: «...Выбиваясь из сил, он бежал посреди лунной мостовой, мимо зияющих подъездов, разбитых фонарей, поваленных заборов. Он видел: чёрные, лохматые, как пауки, самолёты с хищно вытянутыми лапами беззвучно кружили над ним, широкими тенями проплывали меж заводских труб, снижаясь над ущельем улицы. Он ясно видел, что это были не самолёты, а угрюмые гигантские пауки, но в то же время это были самолёты, и они сверху выследили его, одного среди развалин погибшего города» [2, т. 3, с. 7].

Читатель не сразу поймёт, что Сергей Вохминцев видит именно сон. Многократно дробя абзацную структуру, автор намеренно увеличивает темп повествования. Состояние героя мучительное. Эта мучительность – испуг. Он стремится во что бы то ни стало убежать, скрыться, но не получается: самолёты-пауки преследуют его. Сергей мечется в каменных закоулках большого, разрушенного, города, несущего мучительное для бывшего фронтовика состояние отчуждения. «Задыхаясь, он выбежал на каменную площадь, и вдруг впереди, в освещённом луной пролёте улицы, возникли новые самолёты. Они вывернулись из-за угла, неслись навстречу ему в двух метрах над булыжником мостовой» [2, т. 3, с. 7]. И только лишь в девятом по счёту абзаце он «вдруг» «облегчён-

но, хрипло» смеётся, поняв, что это только сон. Что характерно, (случайно ли?) Сергей, понимая свою счастливую ошибку, произносит именно: «Чёрт возьми!», словно бы опять-таки предвеляя сложные, драматические события, которые произойдут в ходе повествования.

Итак, сон Вохминцева предвосхищает новые, «мирные» испытания. Он ощущает одиночество, отъединённость; среди огромного количества людей он – одинок. Автор намеренно, подчёркивая не только одиночество, но даже в какой-то мере и обезличенность, в первых строках романа, пока не называет его по имени, а даёт местоимение «он». Сергею ещё предстоит освободиться от многих кошмаров, которые принесёт злое, пока таинственная для него мирная жизнь, и этот процесс будет долгим и, по всей вероятности, мучительным, поскольку ему ещё предстоит не только адаптироваться к непривычным для него условиям жизни, но и повзрослеть.

Контрастное впечатление создаёт тёплая, мирная, уютная домашняя обстановка и, в противоположность мертвенно-лунному, в комнату врывается солнечный свет. Он, как и луна в страшном сне – всюду: «Было морозное декабрьское утро. На полу, на занавесках, на диване – везде солнечный снежный свет, везде отблеск ясного белого утра... На столе *мирно сиял* бок электрического чайника... Сергей увидел и солнечный свет, и Мурку, и новорождённых котят и с радостным приливом свободы *улыбнулся* оттого, что он в это декабрьское утро проснулся у себя дома, в Москве, что только что ощущаемая им опасность была сном, а действительность – это уютное солнце, мороз, запах потрескавшихся в голландке поленьев» (Выделено нами. – *Ц. Л.*) [2, т. 3, с. 8].

Пройдёт, однако, ещё немало не только романного времени, но и реального, оставшегося за пределами повествования, прежде чем Сергей обретёт самого себя, пройдёт через многие перипетии.

Следует подчеркнуть, что картины, воссозданные через приём «сон-явь», символично фиксируют как раз ключевые моменты, ставящие во главу угла основополагающие для всего произведения в целом конфликтные вопросы: как себя вести, если в

мирной жизни встречаешься с подлостью, предательством? Подходит ли бескомпромиссный и решительный стиль поведения как на войне для разрешения нравственных конфликтов в мирной ситуации? Многие из подобных вопросов составляют суть произведения и не всегда могут быть разрешены в ходе повествования. Вот ещё один из таких примеров беспокойного, крайне тревожного сна Сергея, словно бы предвосхищающего драматические события. На фоне «грохота подкованных сапог» немцев, преследующих его, он ощущает себя как бы на войне: «Отступая, он ещё напрасно рванул пустую кобуру на боку – и тут жёсткое, душное, цепкое навалилось на него, ломая тело, выкручивая руки. Вырываясь из тисков, он осознавал, что это последнее в его жизни, что он погибнет сейчас, и почему-то ясно успел заметить за спинами людей в чёрном чьё-то очень знакомое огромное лицо с усиками, – но кто это был – никак не мог вспомнить. И вдруг узнал это лицо по крутому подбородку, по улыбающимся губам и, узнав, крикнул, задохнувшись: «Уваров? Уваров!..» И от удара, падая под сапоги, уловил радостный знакомый рёв: «В сердце! Бейте его в сердце! В сердце... Он сейчас умрёт!» [2, т. 3, с. 208]. Одна важная деталь, на фоне которой происходит развитие событий сна, подаётся автором, как фон. События происходят на фоне «пустынно мертвенных улиц города». И.А. Богатко в своё время было сделано интересное наблюдение о том, что Ю.В. Бондаревым в этом романе было найдено необычное сравнение – сходство мещанства и фашизма [3]. Это едва ли не самое главное, что следует рефлексировать в «Тишине»: погружение в мещанство, обожествление комфорта вокруг себя не останавливает беспредел человеческой подлости, а, напротив, усугубляет, развивает его. И здесь зоркий писательский взгляд был обращён в будущее, в котором он предвидел серьёзную опасность для человека и вообще для человеческого существования такого стиля поведения. Развитие этой смысловой спирали обнаружится в более поздних романах, а также в публицистических работах.

По наблюдению И.А. Богатко, «подлость Быкова, на счету которого не одна погубленная человеческая жизнь, и его стремление к

обывательскому уюту и благополучию, типичны также для Уварова, всеми способами завоевывающего себе место под солнцем. В тяжёлом сне Сергея Вохминцева, когда словно кто-то бьёт его в самое сердце, эти сегодняшние удары, метко, рассчитано наносимые ему Уваровым, объединяются в ощущениях Сергея в единое целое с фронтовыми ужасами, видятся единой опасностью. «Так только фашиствующие молодчики могли...» – скажет Сергей, в конце концов, в лицо Уварову. Тяжёлое, но необходимое знание социального между собой родства любой человеческой подлости и делает героев Ю.В. Бондарева людьми, осознающими личную ответственность за всё происходящее вокруг, понимающими жизнь не узкоэгоистически, а прежде всего как категорию общественного существования» [3, с. 13].

Для решения принципиальных вопросов, оформляющих основополагающий конфликт романа, писатель в «Тишине» развивает, усложняет поэтические особенности своего, самобытного художественного повествования. В частности, это, наряду со снами, развёрнутые внутренние монологи «достоевского» типа, которые он ввёл в «Тишину», затем ещё многообразнее будут использованы в «Родственниках», «Горячем снеге», «Береге» и «Выборе». Душевные муки Сергея автор оформляет в сложный монолог, который строится на мучительных вопросах самому себе: «Кому нужна его смелость? Или что-то произошло, изменилось – и нет доверия, никому не нужна откровенность. Не лучше ли молчать и терпеть – это выход? Но зачем тогда жить?» «Не будьте чересчур уж смелым, бывает это очень опасно». Если б в войну кто-нибудь сказал так, он набил бы морду. Что ж, мера человеческой ценности изменилась? Кто мог это сделать?»

«Что я должен делать? Что делать?»

«Измениться. Взять себя в руки. Надеть маску милого, доброго парня. Со всем соглашаться».

«Не могу! Не могу!»

«Тогда тебе ломают судьбу, дурак! Не будь чересчур смелым. Будешь искать истину? Она давно найдена».

«Не могу, не могу, не могу! Не могу быть камуфляжным. Есть вещи, понятые раз и навсегда. С детства. С войны» [2, т. 3, с. 194].

Мучительный внутренний «монолог-диалог», который переживает Вохминцев, относится к другой трагической ситуации, которая стала частью его жизни: отношение к отцу. Сюжетно-философская канва романа складывается таким образом, что Уваров и отец, – люди с принципиально разным прошлым, вызывают у Сергея в чём-то схожее чувство неприязни. Сергей не может простить отцу предательство. В отличие от Уварова, Николай Григорьевич на фронте воевал достойно, совершая геройские поступки: будучи комиссаром полка, вывел батальоны из окружения. Узнав о смерти жены, Вохминцев-старший «обмяк: и как бы опустил: лежал целыми днями на диване в своей комнате...» [2, т. 3, с. 52]. Тоска о жене серьёзно тяжело сказалась на его здоровье. Для него возвращение к мирной жизни оказалось также весьма непростым; он по-своему чувствовал и переживал контраст мирной и военной действительности, а главное – отчуждённость сына, который откровенно обнаруживал пренебрежительное и высокомерное отношение к нему.

Но ситуация с несправедливым арестом, в которой ключевую роль сыграл донос подлека, соседа Быкова, заставила Сергея пересмотреть отношение к отцу и даже заступиться за него: «Болен... Он был уже болен, болен! – подумал он и даже замычал, стискивая зубы, – вспомнил долгие лежания отца на диване по вечерам, тишину, шуршание газеты, молчаливую возню с прозывающимися пузырьками за дверью и запах лекарств из другой комнаты. – У него всё время болело сердце! Что я сделал? Как помог? Раздражался, злился!...» [2, т. 3, с. 185-186]. Такого рода мучительные монологи, вопросы самому себе, остающиеся без ответа, последующие решительные поступки Сергея в защиту отца могут восприниматься, без всякого преувеличения, как покаяние и путь к нравственному самосовершенствованию, да, в принципе, и взрослению: ведь на фронт он ушёл почти совсем мальчишкой. Отец, в свою очередь, в прощальном письме к сыну также делает шаг к сближению, просит прощения и наказывает заботиться о сестре Асе. В свою очередь, трагедия с отцом сближает Сергея и Асю. Он осознаёт и вину перед сестрой, к которой раньше не был внимателен.

Появляется в «Тишине» и философско-психологический образ «надломленной ветки», которую автор «оставил» в повести «Батальоны просят огня». Возникает он в непростой ситуации (Константин Корабельников – Ася, которые стали мужем и женой), когда Константину пришлось защитить подростков от хулиганов. В драке он вынул оружие, которое, нарушив правила, когда-то не сдал. Свидетель произошедшего таксист Михеев поступил непорядочно, и у Константина появился страх за Асю, поскольку теперь они были вместе, она – его жена, и он должен был думать не только о себе, но и о ней. Мотив ответственности перед ближним перейдёт затем в романы «Берег» и «Выбор».

Как и Сергея, Константина не покидают размышления о том, как теперь жить, среди «мирной тишины», когда всё гораздо сложнее, чем на войне. Он вдруг понимает, что последнее время его одолевает какое-то странное и непонятное чувство, похожее на страх, и эти размышления, как по содержанию, так и по структуре, очень напоминают размышления его лучшего друга: «Что ж, когда-то и я жил так, не задумываясь ни над чем. Но тогда не было Аси, тогда ничего не было. Было только ожидание. Что же это со мной? Страх за себя? За Асю? Страх? Может быть, опыт рождает страх?» [2, т. 3, с. 329]. Он ощущает, что в последнее время живёт «точно ухватившись за надломленную ветку над трясинной, ему не даёт покоя, его мучает какая-то неуловимая, скользкая, надвигающаяся опасность...» [2, т. 3, с. 339].

Как уточняет Л.С. Шкурат, повесть «Родственники», написанная вслед за романом «Тишина», не слишком была удостоена внимания исследователей, которое, в свою очередь, было обращено, прежде всего, на роман «Горячий снег», появившийся параллельно с повестью. Её справедливо отмечено, что на примере «взаимоотношений членов одной семьи в относительно спокойные, мирные 60-е гг. XX века Ю.В. Бондарев понимает и художественно исследует одну из самых «насуточных» для сегодняшнего дня – проблему распада семейных связей. В повести «Родственники» автор изображает трагические последствия духовного разобщения отцов и детей и размышляет о возможных путях его преодоления» [1, с. 70-71].

В нашем ракурсе исследования необходимо выделить несколько моментов.

Писатель, постепенно отходя от чисто военной проблематики, приучает читателей к осмыслению характеров, поступков героя на материале мирного бытия. Война в данном случае не уходит на второй план, она становится как бы «проверочным фоном» для осмысления специфических ситуаций мирного времени. И автор с горечью констатирует, что люди между собой, даже самые близкие родственники – часто вовсе не родственники, а недруги, если не враги. С горечью он подмечает эту разобщённую тенденцию в послевоенном пространстве мирной жизни, которая, с его точки зрения, к огромному сожалению, будет только прогрессировать.

Второй важный момент, который необходимо подчеркнуть в нашей системе координат – это то, что Ю.В. Бондарева настораживает предательство (разобщённость, отъединённость), возникающее между самыми близкими людьми, самыми близкими родственниками. Автора интересует проблема предательства, совести, ответственности, справедливости, отмщения, они возводятся в степень глубоких нравственно-философских, духовных категорий. Как и в «Тишине», он пользуется монологами нравственно-философского содержания, которые обращены героем к самому себе.

В «Тишине» и «Родственниках» много в чём-то схожих моментов. Никита Шапошников, приехав в столицу к своему дяде профессору-историку Грекову, чтоб передать ему предсмертное письмо своей матери, просыпается в квартире родственников в «чужой» комнате, чувствуя, что может «заплакать от пустоты и одиночества». Родственники, к которым приехал Никита, для него чужие. Он видит неестественные, совсем не родственные отношения между близкими людьми. Сам Никита ранее даже не подозревал о существовании дяди. В самой семье также отношения весьма проблематичные. Однако смертельно больная Вера Лаврентьевна, мать Никиты, не только прощает своему брату предательство, из-за которого она была невинно осуждена, но и беспокоится за Никиту: окажется ли он, оставшись один, без неё, способным прощать людей? Для самого

автора ответ в христианской плоскости очевиден.

Философско-психологические детали «спирально» переходят от произведения к произведению, через темы, мотивы, образы, сюжетные вариативные фрагменты, «монологи – диалоги», внутренние монологи автора сложного полифонического содержания, из которых нередко достаточно трудно оценить мотив того или иного вывода, поступка. Так, Сергей «искал в себе прежней острой ненависти к Уварову – и не находил. Он не мог определить, понять точно, почему так произошло, почему это недавнее, жгучее незаметно перегорело в нём, как будто тогда, встретив Уварова впервые после фронта, он вылил и исчерпал всю ненависть, и постепенно её острота притуплялась, чудилось, против его желания... Он ещё сопротивлялся, не соглашался с этим, но замечал, как люди уже неохотно оглядывались назад, пытаясь жить только в настоящем» [2, т. 3, с. 105].

Нами приведены лишь некоторые аспекты достаточно объёмного, полифоничного, многослойного, с массой смысловых оттенков, внутреннего монолога Сергея Вохминцева. Их можно осмыслить в контексте различных сюжетных линий с акцентированием тех или иных деталей. В нашем аспекте рассуждений он содержит важный момент, принципиально отличающий, с одной стороны, Сергея от его антипода Уварова, а с другой – приближающую к ключевой мысли, очень важной для автора, высказанной им в повести «Родственники» о прощении матерью Никиты предавшего её родного брата. Дело не в том, что Сергей, как многие вокруг него, старался поскорее забыть страшные военные реалии, а в том, что острая ненависть даже к такому мерзавцу, как Уваров, не могла быть вечно разъедающе-острой и мстительной в таком человеке, как Вохминцев.

Таким образом, автор, воспроизводя непростые жизненные ситуации через специфические поэтико-философские приёмы, ведёт героев романа от отъединённости к сближению, пониманию, прочувствованию чужой боли. Это очень важный шаг к словно бы растворению себя в окружающих, к примирению с ближними, в дальнейшем будет развиваться и в более поздних произведениях писателя.

Список литературы

1. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. 2-е изд., стереотип. М.: Инфра-М, 2020. 252 с.
2. Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1984.
3. Богатко И.А. Истина – в человеке (О творчестве Юрия Бондарева) // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1.

References

1. Shkurat L.S. Y.V. Bondarev: *tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: The Creative Evolution of the Writer]. Moscow, Infra-M Publ., 2020, 252 p. (In Russian).
2. Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1984. (In Russian).
3. Bogatko I.A. Istina – v cheloveke (O tvorchestve Yuriya Bondareva) [Truth is in man (on the work of Yuri Bondarev)]. In: Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* Vol. 1 [Collected Works: in 6 vols: vol. 1]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1984. (In Russian).

Информация об авторе

Цзинь Лили, аспирант, Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика; аспирант, кафеда русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, Jinlili8361450@126.com, <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

Вклад в статью: Разработана и уточнена общая концепция статьи, которая синтезирована в заглавии; выявлена проблематика художественно-философского осмысления Ю.В. Бондарева как «автора-творца» (М.М. Бахтин) в диахронии от романа «Тишина» к повести «Родственники». Прделана работа с литературными источниками (указанные произведения, публицистические труды Ю.В. Бондарева 1960–1980-х гг.). Осуществлён анализ художественного текста романа «Тишина» и повести «Родственники». Разработана тема «мир–война», её духовно-нравственные истоки (культурно-аксиологическая парадигма). Осмыслено соотношение, сопребывание времён: прошлого, настоящего и будущего. Проанализированы поэтико-философские приёмы сон-явь, полифоничные монологи, монологи в диалоге и т. д. Написан, структурирован текст статьи.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021
Одобрена после рецензирования 07.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Lili Jin, Post-Graduate Student, Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China; Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Jinlili8361450@126.com, <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

Contribution: We develop and refine the main study concept; which is synthesized in the title; we identify the problems of artistic and philosophical comprehension of Y.V. Bondarev as “author-creator” (M.M. Bakhtin) in diachrony from the novel “Silence” to the story “Relatives”. We work with literary references (specified works, publicistic works of Y.V. Bondarev in the 1960s–1980s). We analyze the literary text of the novel “Silence” and the story “Relatives”. We develop the theme “peace–war”, its spiritual and moral origins (cultural and axiological paradigm). We comprehend the correlation, the coexistence of times: past, present and future. We analyze the poetic and philosophical techniques of dream–reality, polyphonic monologues, monologues in dialogue, etc. Manuscript text drafting and structuring.

The article was submitted 12.01.2021
Approved after reviewing 07.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021